

Перст Кассандры

Автор:

[Герт Нюгордсхауг](#)

Перст Кассандры

Герт Нюгордсхауг

Скандинавский детектив (РИПОЛ)Фредрик Дрюм #5

«Перст Кассандры» – пятая книга из серии о Фредрике Дрюме – знатоке вин, ценителе красивых женщин, владельце эксклюзивного ресторана в центре Осло и... талантливом сыщике, открытия которого не раз приводили в трепет не только преступный мир, но и знаменитых ученых. В этом романе главный герой раскрывает зловещие убийства в родном Осло.

Герт Нюгордсхауг

Перст Кассандры

Cassandras finger © Gert Nyg?rdshaug Впервые опубликовано Cappelen Damm, 1995

© Издание на русском языке. Storyside, 2022

© Жданов Л. Л., наследники, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Для Сократа суть состояла не в том, чтобы абстрактное сделать конкретным, а в том, чтобы через конкретное выявить абстрактное.

Сёрен Кьеркегор. О понятии «ирония» с учетом суждений Сократа

Мир дает пищу познанию, но из познания не вылепишь мир.

Тур Нёррестрандер. Видеть мир

1

Скарпхедин Ульсен видит больше того, что написано, Мать-Земля наносит жестокий удар, и Фредрик Дрюм съедает целую кисть рябины

Скарпхедин Ульсен печально уставился на изображение майяского бога Хецалькоатля – Пернатого Змея, – висящее на стене напротив него. Потом рассеянно постучал три раза указательным пальцем по единственному листу бумаги, лежащему на его конторке, и пробормотал:

«Это конец, Фредрик Дрюм. Все, конец».

После чего надолго воззрился в пустоту. В кабинете старшего следователя Скарпхедина Ульсена в Управлении криминальной полиции Осло не было ничего, заслуживающего созерцания, если не считать майяского бога. На книжной полке стояли двадцать четыре пустых скоросшивателя, которым надлежало лопаться от документов, отражающих непрерывный рост преступности в Норвегии. На конторке Скарпхедина Ульсена лежало одно-единственное дело – Фредрика Дрюма. Зато это было самое крупное дело, каким ему когда-либо доводилось заниматься. Дело, из-за которого грозила лопнуть его голова.

В деле была только одна бумага – письмо, лежащее посередине полированной столешницы. Ни одна пылинка не нарушала чувствительное, высокочастотное равновесие между краями белого листа, стерильной плоскостью стола, строгой

логикой букв и высоким зарядом нейронов следователя. Ведя вдоль строчек, но не касаясь бумаги холодным, как ящерица, пальцем, он еще раз прочел письмо:

«Уважаемый господин Фредрик Дрюм.

В соответствии с Вашими указаниями мы тщательно исследовали и анализировали объект, который Вы прислали в нашу лабораторию. Сожалею, что на это ушло так много времени, но, как уже говорилось в предыдущих письмах, присущие объекту перемещения фотонов, особенности интерференции и преломления лучей оказалось весьма не просто выявить, исходя из действующих физических теорий.

Уважаемый господин Дрюм, упомянутый объект, кристалл в виде пятиконечной звезды диаметром 40,051 мм и толщиной 12,007 мм обладает совершенно поразительными свойствами, так, изоспин света подвержен гораздо более сильным качественным изменениям, чем это происходит в кристаллах рубина. Если допустить излучение концентрированной энергии квантовым полем кристалла, то перед нами объект, чьи свойства могут открыть новые пути в физической науке. Если в данном случае нами выявлено поле Хиггса, возможно, физика сумеет обнаружить давно разыскиваемую частицу, которая связывает между собой все формы материи, а именно – частицу Хиггса.

Несомненно, Вы понимаете, как важно для науки, чтобы мы могли продолжить исследование, выявляя действующие в данном случае закономерности, а также попытаться найти практическое применение высвобождаемой энергии объекта. А потому просим Вашего разрешения передать объект нашим коллегам в Европейском Совете по ядерным исследованиям.

Просим по возможности скорее подтвердить Ваше согласие.

С уважением д-р Джеймс Уилсон, Кембриджский университет»

Подперев своим холодным указательным пальцем подбородок, Скарпхедин Ульсен уставился на одну из двух книг, которые стояли на полке, прислонясь к двадцать четвертому пустому скоросшивателю. Хотя даже стены его кабинета знали наизусть ее название, он громко произнес вслух:

– «Танцующие мастера Ву Ли», Гэри Зукав.

Затем его мысли вдруг приняли совсем иное направление. За матовым стеклом его двери проскользнула прямая стройная фигура старшего сержанта Лёвли, и он спросил себя – не набраться ли отваги и пригласить ее на ужин с восточными пряностями в ресторан «Пенджаби Свит Хауз»?

Почти в ту же секунду, как Скарпхедея Ульсена посетила эта идея, которую он тотчас отверг, произошло первое убийство.

День у Халлгрима Хелльгрена выдался на редкость напряженный. Борясь с усталостью, он свернул на длинную зеленую аллею, ведущую к маленькому хутору, который он купил в верховьях долины Луммедален. Сегодня ему пришлось выдержать четыре заседания по поводу ассигнований для отдела классической скульптуры Национальной галереи, причем одно заседание завершилось острой перебранкой с высокопоставленным чиновником, да еще не обошлось без вечных споров с коллегой, профессором Кааном де Бергом о значении надписей, обнаруженных вместе с нашумевшими находками фигурок Матери-Земли в Южной Франции. «Талисманы плодородия» – как Каан де Берг иронически называл тучные статуэтки, которые появлялись из земли в разных концах Европы как секретное послание малоизвестной современному миру эпохи.

Халлгрим потер висок и свернул с аллеи на заключительный ухабистый участок дороги, ведущий к старому беленому приземистому дому, служившему ему обителью последние три года.

Усталость как рукой сняло, когда он увидел на крыльце ожидающего его белого лесного кота Ясера.

Халлгрим вырулил на стоянку, вышел из машины и размял руками бедра, вдыхая запах желтой листвы, мокрой травы и живой земли. Хотя лето уже заметно состарилось, Халлгрим был не из тех, кто предпочитает отсиживаться дома в ожидании мрачных поветрий осенней депрессии, напротив – он был в ладу с природой и делал сладкие вина из ягод и плодов.

Только так. Мать-Земля милостива.

Выудив из кармана ключи, он протянул руку к Ясеру, чтобы погладить его, но тут его подстерегала первая неожиданность, зрачки кота на ядовито-желтом фоне сузились, и вместо того чтобы потереться, ласкаясь, о ногу Халлгрима, Ясер зашипел, выгнув спину дугой, попятился и одним прыжком скрылся за сараем.

– Балда. Погода действует, что ли? – растерянно воскликнул Халлгрим, глядя вслед коту. – Ладно, сиди там. Сперва сам поем, а потом уж займусь твоими проклятыми консервами.

Однако настоящий шок он испытал, когда отворил дверь гостиной. Он так и замер на месте, чувствуя, как кровь отливает от лица, от рук, живота и груди, как некая многотонная тяжесть прижала его подошвы к полу. Подобно тяжести, прижимающей к полу стоящую перед ним огромную статую.

Ибо в центре гостиной стоял каменный исполин. Абсолютно невозможное явление, невозможное в том смысле, что никому бы было не под силу доставить его сюда, невозможное потому, что статуя не могла бы пройти в эту дверь, и уж совершенно немыслимое потому, что место этого исполина – в отделе классической скульптуры Национальной галереи, где четырехтонная громадина высотой два метра сорок сантиметров красовалась последние тридцать лет.

Статуя ассирийского царя Ашшурбанипала, один из самых замечательных экспонатов Национальной галереи, очутилась в маленькой гостиной хранителя Халлгрима Хелльгрена, в верховьях долины Луммедален.

Разумеется, это вздор, полнейший абсурд. Когда секундное (?), минутное (?) оцепенение миновало, он шагнул вперед и со всего маха ударил кулаком в пах великана, не сомневаясь, что речь идет о ловком розыгрыше, что перед ним макет из материала, который легко перевозить, легко разобрать по частям и снова собрать, что-то вроде пенопласта. А может быть, фигура вообще надувная? Уж во всяком случае это не камень!

Закричав от боли, он осел на пол перед Ашшурбанипалом, брызнувшие из глаз слезы оросили разбитые суставы. Постанывая, встал на колени и прислонился к статуе. Камень! Самый настоящий камень! Перед ним и впрямь был царь Ашшурбанипал из Национальной галереи, никакого сомнения, он узнавал детали, каждую борозду на поверхности древней скульптуры, которую так часто

с восхищением рассматривал.

Халлгрим побрел на кухню. Опустил ушибленную руку в холодную воду, потом обмотал ее полотенцем и, борясь с болью, снова заглянул в гостиную, убедиться, что ему все это не привиделось. После чего выбежал из дома.

Скользя по мокрой траве, шлепая по грязи, ринулся к машине, открыл здоровой рукой переднюю дверцу, завел мотор и развернулся.

Его била дрожь. От разбитых суставов поднялась температура. Уездная больница... Он ехал быстро, не раздумывая. Впрочем, одна мысль ни на секунду не покидала его: «Женщины, владевшие и правившие землей десять лет назад, жили в мире. Мир».

И слово «мир» было последним в мозгу Халлгрима Хелльгрена перед тем, как какой-то предмет пробил ветровое стекло, раздробил его голову, вылетел через заднее окно, прокатился по дороге и завертелся волчком на обочине, наполовину скрытый кустом шиповника.

«Какой в этом году крупный, сочный шиповник», – сказал себе Фредрик, выезжая на дорогу, ведущую в Луммедален. Надо будет на обратном пути присмотреть хорошие кусты и собрать килограмма два-три для особо изысканной приправы. Рецепт: пюре из шиповника, немного сахара, соли, белого вина. Плюс имбирь, гвоздика и чуть-чуть шафрана для цвета. Вскипятить, добавить сгуститель. Бесподобная приправа к птице, например к фазану.

Мысли о новых кулинарных творениях сразу подняли настроение владельца «Кастрюльки», единственного в Осло ресторана, отмеченного двумя звездочками в путеводителе Мишлена. Напевая старый шлягер «Моряк, возвращайся...», Фредрик Дрюм окинул мысленным взором старый хутор в верховьях долины Луммедален. Сегодня у него выдался свободный вечер, и он решил осуществить давнее желание, разделить с Халлгримом Хелльгреном одну из его незамысловатых плотных деревенских трапез, выпить бокал его собственного домашнего вина и побеседовать с другом о том, что больше всего занимало обоих – последних открытиях и достижениях в области археологии. Фредрик уже представлял себе тему сегодняшней беседы – находки статуэток Матери-Земли в Южной Франции и некоторые странные надписи на глиняных черепках. Письменность на столь ранней стадии истории человечества? Это

пахло сенсацией: самым древним из тучных женских фигурок было около тридцати тысяч лет. Среди археологов развернулись жаркие споры о смысле этих статуэток, и лишь весьма основательная гипотеза могла рассчитывать на твердое признание.

Фредрик радостно улыбнулся и чихнул. Он был знаком с гипотезой Халлгрима и не сомневался, что она заставит ощетиниться даже самых вялых обитателей замшелых лабиринтов археологии.

Свернув с шоссе на длинный прямой проселок, он сбавил скорость, присматриваясь к растительности. Осень – пора заготовок. Грибы и ягоды. Травы и овощи. Примерно в километре от шоссе моста, под который ныряла его дорога, взгляд Фредрика привлекла машина, стоящая подле словно объятай красным пламенем рябины; он различил среди ветвей чью-то фигуру.

«Рябиновое желе», – подумал Фредрик Дрюм и выжал ногой тормозную педаль, когда ветровое стекло хлестнул конец свисающей с моста веревки. Что за черт?

Повернув голову, он через заднее окошко увидел всю веревку, ее конец продолжал болтаться на уровне ветрового стекла. «Это может быть опасно, – сказал он себе, – если...»

Не успел он додумать до конца эту жуткую мысль, как в полусотне метров от моста увидел свежий след колес чьей-то машины, которая съехала с дороги и, подмявая кусты, явно скатилась на дно неглубокой лощины, Это произошло сейчас, только что? И причиной явилось именно то, о чем ему было страшно подумать?

Вот висит, слегка покачиваясь, веревка... Вот на обочине отчетливые следы...

Фредрик выключил зажигание, не спеша выбрался из машины. На дороге было пусто, здесь редко проезжали автомобили. Он постоял, соображая. Веревка свисала примерно над серединой дорожного полотна. Все сходится... Конец машины как раз там, где сидел водитель. Но неужели этого могло быть достаточно, чтобы машина скатилась в лощину?

Только при условии, что к веревке было что-то привязано, какой-то предмет, тяжелый предмет, камень...

Фредрик посмотрел вверх, увидел, что верхний конец веревки прикреплен к перилам моста. Веревка была зеленая, нейлоновая, не слишком толстая.

Он подошел к болтающемуся концу, протянул было руку к нему, но тут же передумал, повернулся к следам колес и подбежал к краю обочины.

Поглядел вниз в лощину. Там, наполовину зарывшись в густые кусты, лежала машина. Синяя «Хонда Цивик» со знакомым номерным знаком. Машина Халлгрима Хелльгрена.

Спустившись по откосу, Фредрик увидел то самое, чего опасался: разбитое ветровое стекло, разбитое заднее стекло. На переднем сиденье – скорченная фигура человека. На месте головы над лопатками – кровавый ком с торчащими из него осколками костей. Остатки того, что некогда было головой Халлгрима Хелльгрена, покрывали также уцелевшую часть заднего стекла.

Фредрик выбрался обратно на дорогу, подавляя позывы к рвоте и вытирая слезы. И пошел к тому автомобилю, который стоял под рябиной на обочине.

Подойдя к дереву, поднял взгляд на человека, собиравшего там среди ветвей рябину в большую пластиковую сумку. Две наполненные доверху сумки стояли на земле.

Человек на рябине посмотрел вниз на Фредрика.

– Кого я вижу!? Уж не сам ли Фредрик Дрюм выбрался подышать свежим воздухом? Но я первый нашел это дерево!

Сборщик рябины говорил по-датски, и Фредрик сразу узнал голос добродушного датчанина, который держал второй в ряду лучших ресторанов Осло – «Д'Артаньян», одна звездочка у Мишлена.

Фредрик молча смотрел на датчанина, охваченный бездумьем. Правая рука машинально протянулась к нижней ветке, сорвала гроздь рябины, сунула ягоды в рот. Челюсти пришли в движение.

– Небось слышал про эпифитную рябину, Фредрик, которая растет на вторичном стволе? Вот это она и есть, ее ягоды крупнее обычных, и в них больше кислоты.

Но Фредрик не слушал того, что говорил Фредди Нильсен. Разжевав и проглотив ягоды, он прохрипел:

– Это преднамеренное убийство, Фредди. У тебя есть в машине телефон?

Фредрик сидел на трухлявом пне на обочине. Гниль промочила брюки насквозь, но ему было все равно. Фредди Нильсен стоял перед ним, другой датчанин из «Д’Артальяна», Бу, который ходил в лес по грибы, положил Фредрику руку на плечо.

– Жуткая история... – Бу побледнел и словно осунулся, потрясенный до глубины своей чувствительной поварской души. – Но не будешь же ты сидеть тут всю ночь, Фредрик.

Полицейские и медики уже уехали. Разбитую машину увезли на буксире, участок вокруг моста огородили, исключая проезжую часть. Фредрика, прибывшего первым на место преступления, подвергли допросу, но ему нечего было добавить к тому, что видели его глаза. Поскольку он считался другом убитого, ему предложили в ближайшие дни держаться в пределах досягаемости, на случай если полиции потребуются дополнительные сведения о занятиях и увлечениях погибшего. Тем более что Дрюм был известен как один из специалистов в той области знания, которую представлял Халлгрим Хелльгрэн.

Полиция не сомневалась, что речь шла об убийстве.

Орудие убийства – предмет, привязанный к концу веревки, найти не удалось, но позже вечером поиск намечалось продолжить с помощью служебных собак.

– Пошли, Фредрик. – Фредрик шагнул по направлению к своей машине.

– Сейчас. Вы поезжайте, я последую сразу за вами. – Он проводил вялой улыбкой своих датских друзей, когда они сели в автомобиль и поехали в город.

Рябина в сумках. Грибы в корзинах. Шиповник. Приправа из шиповника. Увы, связанные с ними ассоциации были отнюдь не приятными и плохо совместимыми с ресторанными меню.

На дороге появилась женщина с полным бидоном брусники. Увидев Фредрика, она вздрогнула, не заметив оранжевых пластиковых лент установленного полицией ограждения, в них запуталась, рассыпала половину собранных ягод и затрусилась обратно в ту сторону, откуда пришла. Странная женщина.

Сгущались осенние сумерки. Фредрик встал и побрел вдоль обочины к своему автомобилю. Скоро полиция снова появится здесь, как только опечатает дом Халлгрима.

Огибая длинные ветки шиповника, он вдруг остановился, заметив под кустом какой-то предмет. Что это? Что-то круглое, овальное? Раздвинув ветки, он рассмотрел окровавленный камень с прилипшими к нему клоچьями волос.

Фредрик разинул рот, потом сомкнул челюсти с таким стуком, что звук отдался вдали среди елей. Камень был совсем не обычный!

Он перевернул его носком ботинка. Статуэтка... Длиной около тридцати и толщиной около полутора десятков сантиметров. Она изображала тучную, утрированно тучную женщину с огромными ягодицами, бедрами и грудями. Если не подлинная, то во всяком случае очень точная копия фигурки Матери-Земли, представляющей культуры, которые так сильно занимали Халлгрима.

Фредрик осмотрелся кругом, взволнованно дыша. Скоро вернется полиция, скоро тут примутся рыскать газетчики и служебные собаки при свете ярких прожекторов. Ну?!

Ну конечно, черт возьми. Что может этот камень, эта статуэтка сказать полицейским чинам. Для них это всего лишь орудие убийства, очевидное звено в какой-то цепи. Но Фредрик слишком хорошо знал, что очевидное нередко лишь видимость подлинного.

С резким смешком он живо нагнулся, схватил камень, добежал до своей машины, швырнул находку в багажник и накрыл пледом. Включив зажигание, увидел на дороге синие мигалки. Четыре автомобиля остановились на дороге

перед мостом. Полицейское подкрепление. Пресса.

Включив вторую скорость, он, не спеша, поехал в прежнем направлении, к хутору Халлгрима. Встретил тех полицейских, которые ездили опечатывать дом. Ему велели остановиться.

Он опустил стекло.

– Куда направляешься? – грубовато осведомился полицейский.

– Туда, на хутор, забрать Ясера.

– Ясера?

– Ну да, кота.

– Ага, кота. Значит, у него еще и кот был.

– Еще?

– Ага, ведь у твоего приятеля не совсем обычные вкусы были насчет внутренних интерьеров. —

Полицейский снял форменную пилотку и почесал затылок.

– Надеюсь, вы не заперли его в доме?

– Кого!

– Кота, кого же еще!

Сидящие в полицейской машине дружно рассмеялись, и смех этот показался Фредрику совершенно неуместным после такой трагедии.

– Ладно, давай, забирай кота, если найдешь. Мы, во всяком случае, не видели там никаких животных. – Это слово было сказано с особым ударением. – Но от

дома держись подальше, ничего не трогай. А мы тебя, наверное, скоро побеспокоим.

Полицейские уехали, а Фредрик тупо уставился на баранку своей машины. Что он, собственно, собирается делать там на хуторе? Забирать кота? Это само собой. Ясер вырос на рыбных консервах, а в ельниках Луммедалена тунец, надо думать, не водится.

Подъехав к дому, он свернул на стоянку.

Фредрик для себя давно установил, что пустые могилы и сперма пахнут совершенно одинаково. Его нос, натренированный на дегустацию вин, обнаруживал самые неожиданные параллели. Здесь тоже пахло спермой. Во всяком случае, во дворе перед домом пахло незрелым столовым вином «Мозельблюмхен», чей букет весьма напоминал запах спермы. Какой-нибудь житель Луммедалена, возможно, сказал бы, что в воздухе пахнет осенью.

Он вышел из машины и уставился себе под ноги. На дворе царила зловещая тишина. И в сумерках не было ничего уютного, они окутывали его, словно шершавым влажным одеялом.

Руки убийцы. Это от них по идиллическому уголку в лесу расползлась зловещая тишина. Мысли, которые рождались здесь в последние годы, кому-то так резали ухо, что настроили чей-то ум или чьи-то умы на страшное преступление.

Мысли Халлгрима Хелльгрена не были чужды Фредрику Дрюму. Из этого вытекало логическое следствие.

Однако, шагая через двор к дому, Фредрик не ощущал никакого страха, только скорбь.

Зачем он здесь? Дом заперт, заперт и опечатан, ему здесь делать нечего. И все же любопытство заставило его обойти вокруг дома, вечное неискоренимое любопытство побудило Фредрика Дрюма влезть на фундамент из тщательно пригнанного дикого камня, чтобы заглянуть в окна. Каждое окно было запечатано специальной полицейской липкой лентой. Но лента не закрывала обзор.

Спальня. Кухня. На столе у стены – сумка с продуктами из магазина «Якоба». Странно. Выходит, Халлгрим, вернувшись с работы, зашел с сумкой на кухню, но что-то помешало ему положить продукты в холодильник. Вместо этого он вышел из дома, снова сел в машину и поехал обратно в Осло. Если бы не происшествие на дороге, на полпути в город он встретил бы Фредрика. Мог он забыть про их уговор? Вряд ли. За Халлгримом такое не водилось. Тем более что не далее как сегодня утром он позвонил Фредрику, чтобы спросить, может ли лосось в магазине «Якоба» быть с икрой.

Что-то испугало Халлгрима так, что он сорвался с места. Телефонный звонок? Убийца позвонил и заманил его в смертельную ловушку?

Окно гостиной... Фредрик увидел какой-то огромный темный силуэт, который высился до самого потолка. Протер глаза – что там такое может находиться в гостиной Халлгрима? Уже стемнело настолько, что толком не рассмотреть, но посреди гостиной явно стояло что-то необычайно большое.

Неуместный смех полицейских. Кажется, они сказали что-то насчет необычного интерьера? А животных они не видели – стало быть, видели нечто другое.

Сколько ни таращился Фредрик, он не мог понять, кому принадлежит огромный темный силуэт.

Соскочив с фундамента, он поскользнулся на овечьем помете. Его это ничуть не тронуло, голова была занята другим: то, что находится в гостиной Халлгрима, явилось причиной поспешного решения ехать назад в город, решения, которое обрекло его на верную смерть при встрече со статуэткой Матери-Земли, подвешенной с моста на веревке на уровне ветрового стекла.

А потому Фредрику непременно надо было проникнуть в гостиную.

В верхней части одной из стен дома помещалось чердачное окно, которое полиция не стала опечатывать. Чтобы добраться туда, Фредрику нужна была лестница.

Он нашел ее в сарае. В инструментальном ящике Халлгрима лежали ломик и молоток. Только бы никто из полицейских – хотя бы в ближайший час – не вздумал зачем-нибудь вернуться на хутор.

Легко выставив маленькую раму, он протиснулся через окно на чердак. Нагнувшись, ощупью добрался между балками до кирпичного дымохода. Где-то здесь в полу должен быть люк... Есть. Он поднял крышку люка, поглядел вниз. Кухня... Прыгнул вниз и приземлился возле пристенного стола.

Шаря рукой по стене, он нашел выключатель. Дверь в гостиную была открыта. Прислушался – тишина. И, не мешкая ни секунды, переступил через порог.

– Опа! – вырвалось у него, когда он, включив свет, увидел истукана, занимающего большую часть площади не такой уж просторной гостиной.

Держась рукой за косяк, Фредрик с удивлением смотрел на статую.

«Ашшурбанипал», – прошептал он.

Каменный лик Ашшурбанипала сурово глядел на него из-под потолка. Фредрик подкрался на цыпочках, пощупал шершавую поверхность скульптуры.

– Невероятно, как же он ухитрился...

Он не договорил, осознав всю невозможность явившегося ему зрелища. Эту громадину никак не могли втащить в гостиную ни через окно, ни через дверь. Чтобы водрузить сюда колосса, надо было либо стены ломать, либо поднимать крышу.

Но ни на стенах, ни на потолке не было никаких следов свежих манипуляций. Напротив, плинтуса, доски, гвозди, краска выглядели так, словно ничего здесь не менялось по меньшей мере последние полсотни лет. Сразу видно.

«Ашшурбанипал», – снова прошептал Фредрик, приступая к более тщательному осмотру: вдруг перед ним составленная из нескольких частей, отлично сработанная копия.

Однако статуя ассирийского царя была настоящая. Монолитный камень. Коричневый гранит, с преобладанием ромбических кристаллов пироксена. Оранжевые включения, типичный признак гранита из древних каменоломен на плато Хиджарах в Ираке. Все так, непреложный факт...

И непреложным фактом было то, что статуя царя Ашшурбанипала, не одно десятилетие занимавшая свое постоянное место в Национальной галерее в Осло, сейчас находилась в верховьях долины Луммедален, в маленькой гостиной зверски убитого Халлгрима Хелльгрена. И Фредрик Дрюм не сомневался, что она появилась здесь совсем недавно. В частности, ее здесь не было, когда Халлgrim утром отправился на работу. Но она уже стояла здесь, когда он под вечер вернулся домой.

Вот почему Халлgrim не успел положить продукты в холодильник.

Вот почему он тотчас вернулся к машине, чтобы ехать обратно в город.

Следующие полчаса ушли у Фредрика на то, чтобы перебрать в уме все мыслимые способы доставить статую в гостиную. Однако мыслимых способов он не обнаружил. Были только невозможные, от анализа которых Фредрик решил пока воздержаться.

Царь Ашшурбанипал. Знаменитый воинствующий правитель Ассирии. Первый в мире милитарист. Ашшурбанипал узаконил войну как способ разрешения конфликтов между людьми.

Фредрик вдруг ощутил, как по его спине побежали мурашки.

...Испуган первым в мире милитаристом. Убит древнейшим, по всей вероятности, символом мира и почтительного отношения к природе – статуэткой Матери-Земли. Участь Халлгрима Хелльгрена...

Этот гротескный парадокс, этот кивок истории, эта диалектическая трагедия вряд ли могла быть случайностью.

Фредрику Дрюму больше нечего было делать в доме Халлгрима. Он мог уезжать и приступать к вычислениям, пользуясь неизвестными математике величинами.

Тем не менее он продолжал ходить вокруг статуи, бессвязно бормоча что-то себе под нос. Он не пытался найти какую-нибудь путеводную нить, просто отдался потоку мыслей, ассоциаций. В конце концов остановился перед комодом Халлгрима и увидел, как его рука выдвигает один из ящиков.

Как он роется среди всяких посторонних бумаг. Как находит тонкую папку с машинописным текстом на нескольких листах, озаглавленным «МАТЕРЬ-ЗЕМЛЯ». Как он прячет папку за пазуху, после чего долго скребет затылок.

В заключение Фредрик пристыдил себя за все поступки, совершенные с той минуты, как он нашел орудие убийства под кустом шиповника. Однако за чувством стыда не последовало раскаяние.

Возвращаясь через люк обратно на чердак, он нечаянно столкнул ногами поставленную на стул табуретку. При этом стул тоже упал, а Фредрик повис на руках, болтая ногами в воздухе. Одна нога задела подвешенный на окне горшок с роскошными спрекелиями, так что тот сорвался на пол и разбился. И когда наконец Фредрик все же выбрался на чердак, ему было совершенно ясно, что им оставлены следы, по которым полиция точно определит, что кто-то проникал в тщательно опечатанный дом.

Ну и пусть.

Дальнейшее отступление завершилось без проблем, он вставил на место оконную раму, стер со стекла отпечатки пальцев, вернул лестницу в сарай, ломик и молоток – в инструментальный ящик.

На дворе царил непроглядный осенний мрак. На небе – ни луны, ни звезд.

И самого хутора не видно.

Фредрик осторожно отступил на полсотни метров по окружающему дом участку земли. Повернулся, посмотрел в ту сторону, где стояли постройки. Не разглядел ни одной, все потонуло в кромешной тьме.

Ни хутора. Ни дома. Никакой статуи Ашшурбанипала в гостиной Халлгрима Хелльгрена. Простое старое философское суждение: чего не ощущаешь, то не существует. Все сущее подразумевает воспринимающий субъект. Следует ли из этого, что Фредрик Дрюм, строго говоря, не воспринимающий субъект? Не исключено.

Что-то удерживало его на хуторе. Ему совсем не хотелось садиться в машину и ехать обратно в город с его огнями, улицами, шумом. Не хотелось возвращаться к действительности. Лучше еще побыть за ее рубежами, оставаясь ничего не ощущающим ничем.

Зажмурившись, чтобы оставаться в полной темноте, он вышел ко двору перед домом, передвигаясь по мокрой траве. Продолжал так идти, пока вытянутыми руками не уперся в какую-то стену. Определил на ощупь, что перед ним старый заброшенный хлев. Добрался вдоль стены до двери, она со скрипом отворилась.

В сарае пахло овцами. Запах был сильный, острый, хотя овец тут не держали не один десяток лет. Боднув головой низкую притолоку, он шагнул в просторное помещение, где, очевидно, размещались закуты. Пол был неровный, глаза ничего не видели. Откуда-то потянуло свежим воздухом, и он ощупью пробрался к отверстию в стене. Это был люк для очистки хлева от навоза.

Фредрик просунул голову наружу через люк. И ничего не увидел. Как и следовало ожидать. После чего сел на землю у стены и прислушался.

Но в лесу царила тишина.

Разве может быть так тихо в ночном лесу? Так уж бесшумно крадутся ночные охотники-звери? И разве не пискнет лесная мышь, когда в нее вопьются когти совы?

Он почувствовал, какой под ним твердый пол. Стало быть, что-то он ощущал. Внезапно его посетила абсурдная мысль: будь у него с собой шприц с сильным обезболивающим средством, он мог бы анестезировать какие-то участки тела, чтобы они ничего не ощущали. И тогда связывали бы его с возможно существующей вещественной реальностью.

Конечно, если до предела напрячь зрение, видно, что за отверстием как будто чуть светлее, чем внутри хлева. А потому Фредрик прищурил глаза, стирая грань между толикой света в люке и полной темнотой вокруг него.

Он долго пребывал в промежуточной области, никак не соприкасаясь с внешним миром, пока не обнаружил вдруг, что видит. Он видел.

Глаза Фредрика заметили что-то! Какое-то сияние за люком, на участке земли возле дома.

Он протер глаза и всмотрелся.

Под лиственными деревьями на краю участка танцевала какая-то фигура. Раскинув руки, делала высокие прыжки, наподобие балетных па.

Разумеется, Фредрик Дрюм не смог бы ничего такого рассмотреть, не будь фигура танцора окружена исходящим от нее зеленоватым сиянием.

2

Луммедаленский Канюк почитает себя королем эльфов, следовательно Ульсен критикует соус, и Фредрик Дрюм жалеет, что при нем нет звездного кристалла

Некоторое время Фредрик сидел, созерцая призрачное видение под деревьями, и поскольку его психика более не была настроена проводить различие между кажущейся реальностью и непосредственно воображаемым, видение не повлияло на его душевное равновесие. Медленно кивнув головой, он выбрался через люк наружу и опустился в заросли крапивы у стены.

Фигура продолжала совершать плавные, хотя и не слишком грациозные движения. Наконец, исполнив нечто вроде пируэта, упала и осталась лежать на земле.

Зеленоватое сияние служило Фредрику ориентиром, когда он медленно направился к фигуре. Фигура оказалась мужчиной.

Фредрик остановился метрах в двух от него. Мужчина лежал неподвижно лицом вверх. Одет он был в какое-то тряпье; разрезанные простыни и другие куски ткани, облегающие его тело, привязанный на поясе карманный фонарь освещал то красным, то зеленым светом.

- И где же остальные члены балетной труппы? - негромко справился Фредрик.

Мужчина быстро сел и уставился в темноте на Фредрика, зажав ладонью рот. Потом вдруг начал хихикать.

– Я – Боморил-Боморил-Боморил, чи-хи, спасибо за угощение, чи-хи, чи-хи, иные собирают обманиху и ручьиху, запивают жабыим соком, чи-хи. Спасибо, – произнес он тонким пронзительным голосом.

– Не за что, – Фредрик мало что извлек из услышанного сверх того, что мужчина явно считал себя королем эльфов Боморилом. – Представление окончено?

Светящаяся куча тряпья зашевелилась, как бы для того, чтобы продолжить танец, но Фредрик вовремя ухватился за конец рваной простыни.

– Постой, Боморил.

– Не трогай, не трогай, не прикасайся, я воздух, вода и огонь. Я горю, чи-хи, я прыгаю! – Мужчина вырвался и прыгнул по-лягушачьи.

Фредрик вспомнил, как Халлгрим однажды рассказывал ему про одного чудака, известного под прозвищем Луммедаленский канюк, который пугал людей по ночам, являясь им в диковинных одеяниях, и совершал самые странные поступки. Так, во время последнего нашествия пеструшек он в огромных количествах поедал эти символы норвежской природы, упорно называя себя канюком. Отсюда и такое прозвище. Этот безобидный сумасброд частенько навещал Халлгрима. В больнице, из которой его выпускали на прогулки, он слыл человеком странным, добрым и совершенно не способным причинить кому-либо вред.

Сейчас Луммедаленский канюк стоял перед Фредриком, улыбаясь мокрыми губами.

В небе на востоке появилась луна.

– Ты навещал Халлгрима сегодня? – спросил Фредрик.

Канюк хихикнул.

– Боморил танцует для Халлгрима ночью. Халлгрим видит, чи-хи. А ты кто такой... ты кто такой... ты кто такой? – пропел он.

– Я Фредрик, друг Халлгрима. Не знаешь, сегодня еще кто-нибудь навещал Халлгрима? Ты, великий король эльфов, все должен знать.

«Сумасшедшим известно больше того, что когда-либо узнает нормальный человек», – сказал себе Фредрик, не задумываясь о всем значении этой мысли.

– Три без трех камень на камень, чи-хи, чи-хи. – Король эльфов заплясал вокруг Фредрика.

– В самом деле, – пробормотал Фредрик. – А что еще, могущественный Боморил?

– Иные собирают обманиху, а я ем ягоды, чи-хи. – Он показал Фредрику язык.

– Конечно, конечно. Сейчас ведь осень.

Фредрик ухитрился не отставать от чудака, продолжая задавать хитрые вопросы, надеясь хоть что-то узнать о том, что происходило на хуторе Халлгрима последние двенадцать часов. Тщетно. В туманных изречениях Луммедаленского канюка не просматривалось никакого смысла.

Проплясав вместе с ним почти до конца аллеи, Фредрик сдался и пошел обратно к дому. При яркой луне было отлично видно дорогу.

Шел первый час, когда он наконец сел за руль и поехал домой, в город.

Дома Фредерик откупорил бутылку марочного бордо «Шато Дюкрю Бокайу». Хорошенько насладившись запахом букета, чихнул три раза, потом сделал добрый глоток. Всю остальную часть ночи он просидел в бездумной дреме перед столом, на котором лежал окровавленный камень.

Стерильная столешница конторки Скарпхебина Ульсена была все такой же стерильной. Часы показывали без четверти двенадцать, его ввели в курс дела, и он отчетливо представлял себе роль одного конкретного лица во вчерашнем убийстве.

Поднявшись со стула, он доковылял до полки с двадцатью четырьмя пустыми скоросшивателями, взял одну из стоявших там двух книг, открыл ее наугад и прочитал вслух английский текст:

«Прежде чем рассматривать особенности энергий, заключенных в кристаллах, полезно разделить эти энергии на две различные группы. К первой отнесем так называемые материальные энергии, то есть те виды энергии, которые поддаются измерению современными научными методами, сюда относятся электричество, свет, тепло, энергия механического движения. Вторую группу тогда составят духовные энергии, то есть энергии, не поддающиеся измерению существующими методами, например, энергия мысли...»

Поставив книгу на место, он посмотрел на матовое стекло в двери, никого не увидев в коридоре, и подумал: «Остается только, как и прежде, одному отведать хорошую трапезу. В „Д'Артаньяне“. Ситуация не позволяет пригласить ее. Это может все испортить. Я вышел на след. Иду».

Полчаса спустя он сидел за уединенным столиком в упомянутом изысканном ресторане, и когда официант Бу принес меню, приветствуя с улыбкой постоянного посетителя, по всему телу Скарпхеда Ульсена разлилось блаженное чувство.

– Утка по-гасконски, дежурный сыр и фрукты, – заказал он на безупречном французском языке.

Последовало горячее обсуждение белых вин, которое завершилось полным согласием сторон.

В разгар трапезы Скарпхеда Ульсен вдруг отложил в сторону ложку для соуса, устремил взгляд куда-то в пустоту, потом подозвал официанта.

– Извини, – сказал он, – но ведь это как будто называется апельсиновым соусом? Тебе не кажется, что в нем немного недостает померанцевой кислоты?

– В самом деле, черт подери! – согласился Бу. – Я подскажу Фредди.

Он повернулся, чтобы уйти, но Скарпхеда остановил его.

– И еще одно... – Он неловко прокашлялся. – Луммедален... Ты хорошо знаешь те места?

– Ну-у-у, – протянул Бу, – как сказать. Мы ездили туда собирать грибы и ягоды.

– Вот именно, – кивнул Скарпхедин. – Не буду касаться деталей трагедии, свидетелями которой вы стали вчера. Только один вопрос: случайно, вы не заметили, чтобы кто-то – кто-то посторонний – подобрал некий предмет на дорожном полотне? Что-нибудь вроде большого камня?

Бу подпер рукой подбородок, как будто задумался, удивленный таким вопросом.

– Нет, – твердо произнес он наконец. – Ничего такого не видели. Как с вином – угадали?

Скарпхедин рассеянно кивнул. После чего вдруг резко задал новый вопрос:

– Что делал твой шеф, Фредди Нильсен, вчера утром в Национальной галерее? Он тоже пришел полюбоваться ассирийским царем Ашшурбанипалом?

– Как-как? Честное слово, не знаю. – Бу, пяясь, удалился, а Скарпхедин удовлетворенно продолжил трапезу. Он получил нужный ответ.

Оставалось только продолжать расследование и довести его до конца. И перспектива успешного исхода отнюдь его не радовала.

Войдя в помещение Национальной галереи, Фредрик сразу заметил, как взбудоражены ее сотрудники. Вход в отдел классической скульптуры был закрыт.

Фредрик приветствовал кивками и улыбками знакомых деятелей, в том числе профессора Каана де Берга, коллегу и духовного антипода Халлгрима Хелльгрена.

– Что у вас тут произошло? – непринужденно справился он.

– Вопрос вопросов, Фредрик, – отозвался Лекфинн Шолд, подойдя к нему и беря его за руку. – Произошла такая невероятная вещь, что мы даже еще не решились вызвать полицию. Исчезла со своего цоколя статуя ассирийского царя Ашшурбанипала каким-то таинственным образом между десятью утра вчерашнего дня и половиной девятого сегодня, вынесен четырехтонный гранитный монолит. Вынесен, хотя это никак не возможно сделать.

– Да уж... И вы не обратились в полицию?

– Кажется, в эту минуту с ними связываются по телефону. Господи, это безумие какое-то. – Бледное лицо старшего хранителя заметно осунулось.

В голове Фредрика роилось несколько мыслей. В том числе мысль о том, что здесь еще не знают о гибели Халлгрима Хелльгрена, что сотрудники полиции еще не приходили сюда, чтобы расспросить о распорядке дня покойного, и что они пока не усмотрели связи между тем, что находилось в гостиной Халлгрима и Национальной галереей. Однако их появление здесь – только вопрос времени. Может быть, они сию секунду поднимаются по ступенькам к входу.

– Слышишь, Лекфинн, можно мне на минутку зайти в зал классической скульптуры?

– Пошли, дружище. – Лекфинн Шолд потянул Фредрика за собой. – Вот, гляди...

Он уныло покачал головой.

И Фредрик увидел. Пустое пространство там, где стояла скульптура – между конной статуей работы Донателло и сфинксом из Пергама. На цоколе, бетонной плите высотой около десяти сантиметров, явно виднелся светлый овальный след от колосса. Ширина овала по большой оси превышала один метр.

– Как это было сделано, кому это нужно, Фредрик... – удрученно вымолвил хранитель.

На плите не было ни одной песчинки, ничто не говорило за то, чтобы вес и размеры статуи представляли проблему для похитителей. Ни одной царапины на натертом до блеска полу. Между тем казалось совершенно невозможным

кантовать Ашшурбанипала, не повредив и не свалив другие статуи. Фредрик остановился, глядя на маленькое окно в верхней части одной из стен, высотой меньше полуметра, шириной около метра. Во всем зале не было экспоната, который пролез бы в это окно.

- Это - единственное отверстие? - спросил он, указывая пальцем. - Или тут есть какие-то потайные выходы?

Лекфинн Шолд отрицательно покачал головой.

- Чтобы поднять такую статую, требуется кран и всякие приспособления. И тебе должно быть известно, что здание надежно охраняется. Незаметно проделать такую операцию никак нельзя. Даже будь вся охрана причастна к этой абсурдной краже, все равно нельзя. Понятно теперь, почему мы медлили с обращением в полицию? Хочешь знать, так мы уже начинаем сомневаться - да стояла ли здесь вообще когда-нибудь скульптура Ашшурбанипала?

- Вот как? - Фредрик обошел вокруг цоколя.

- Тем не менее четыре сотрудника галереи готовы поклясться, что статуя была здесь во всяком случае в десять утра вчера.

Старший хранитель достал из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб.

- Днем в этом зале никто не дежурит?

- Господи, зачем? Вынести отсюда что-нибудь незаметно для дежурных в вестибюле просто невозможно! - Он всплеснул руками.

- Что верно, то верно... Размеры экспонатов этого зала вряд ли могли соблазнить какого-нибудь карманника.

Фредрик направился к двери, увлекая за собой Лекфинна. В любую минуту сюда могла нагрянуть полиция с информацией, от которой сотрудники галереи надолго утратили бы дар речи. Ему следовало поторопиться.

– А вам здесь известно, кто из посетителей заходил в этот зал, скажем, между десятью утра и тремя часами дня?

Лекфинн Шолд тупо усмехнулся.

– Уж не хочешь ли ты сказать... Это же просто глупо...

– В данном случае только глупое представляется вероятным, – ответил Фредрик.

– Спроси фрёкен Хауг. Она сидела за столиком перед дверью, каждый день там сидит.

Хранитель продолжал тупо усмехаться.

Полиция уже поднималась по ступенькам, но Фредрик успел отвести фрёкен Хауг в сторонку и узнать, что вчера в зал заходили два десятка одиночных посетителей, кроме того, с девяти до половины одиннадцатого профессор Себерг читал там лекцию о римских орнаментах для студентов, будущих археологов, среди дня туда с шумом вторглись учащиеся одной из пригородных школ, да пять-шесть курсантов из военного училища приходили посмотреть на статуи римских воинов. Были среди посетителей и дипломаты: несколько сотрудников английского посольства интересовались классической скульптурой. И были длительные промежутки, когда зал оставался пустым.

Выходя из галереи, Фредрик заметил, что Лекфинн Шолд разговаривает с сотрудником уголовного розыска. По бледному лицу старшего хранителя было видно, что ему сообщили о смерти Халлгрима Хелльгерна. Фрёкен Хауг громко рыдала.

– Дрюм!

Профессор Каан де Берг трусил за ним вдогонку по тротуару.

– Что я слышу, черт побери! Халлгрим мертв, его убили! Еще вчера я разговаривал с ним, и он сказал, что вечером ждет тебя в гости. Что происходит, черт возьми?

Фредрик посмотрел на возбужденного долговязого ученого. Глаза профессора грозили выскочить из орбит, волосы черными космами облепили лоб.

– Воинствующий царь пришел в движение, как и положено воителям, когда они чувствуют угрозу. Ты разве не рад, ведь это подтверждает твою теорию, по которой войны, убийства, насилие сопутствуют человечеству с тех самых пор, как первый человек спустился с дерева, насилие присуще самой природе человека, а потому война неразрывно связана со всяким нашим деянием. Ты ведь так пишешь и говоришь. – Фредрик говорил спокойно, точно описывал рецепт приготовления манной каши с изюмом.

Каан де Берг стоял, разинув рот, будто рыба, выброшенная на берег.

– Но... ведь это... это невозможно...

– Для тебя, что бы ты ни услышал, все невозможно, разве не так? Мое толкование минойского линейного письма Б – невозможно, суждения о досаамском рисуночном письме – невозможны, мои соображения о пирамиде Хеопса – невозможны, как и гипотезы Хелльгрена насчет статуэток Матери-Земли, так я говорю? – На Фредрика накатил схоластический раж, однако он поспешил взять себя в руки, увидев страдальческое выражение лица профессора: – Заходи ко мне в «Кастрюльку», когда будет время, и мы вместе вернем Ашшурбанипала в галерею, идет?

И он зашагал дальше, оставив Каана де Берга стоять на тротуаре во власти такого напряжения, как если бы его только что выбросило из ускорителя заряженных частиц.

– Правда, красиво?

Женщина говорила на безупречном английском языке. Стоя у крепости Акерсхюс, она повела рукой в сторону гавани Осло. Мужчина рядом с ней кивнул. На нем был элегантный грубо-шерстяной костюм, темные роговые очки; в правой руке металлический чемоданчик. Ему было под пятьдесят, ей – тридцать с хвостиком.

– Первый раз в Осло, верно?

Он снова кивнул и потер щеку левой рукой. Дул промозглый осенний ветер. Мужчина был чем-то обеспокоен, и панорама Осло его не особенно восхищала.

– Видите рельсы внизу? Раньше в Осло было два вокзала – Восточный и Западный, их соединяла ветка, проведенная через центр. Не слишком практично, верно?

Мужчина наклонился через перила, чтобы рассмотреть нечто, несколько его не интересующее. До рельсов внизу было метров тридцать.

– Я могу поддержать ваш чемоданчик, чтобы вы могли рассмотреть одну вещь, о которой не знает ни один турист. В стене над рельсами есть ниша, и в ней лежит подлинный череп одного из наместников, которые обитали в этой крепости. Возьмитесь рукой вот за этот железный столбик и наклонитесь как можно ниже – сразу увидите. Только будьте осторожны.

Женщина быстро осмотрелась вокруг. Кроме них двоих, здесь, наверху, никого не было.

Предложение посмотреть на старый череп как будто заинтересовало мужчину в твидовом костюме. Он улыбнулся женщине, подал ей чемоданчик и выбрался на самый край стены, крепко держась за железный столбик.

Однако, видимо, недостаточно крепко.

От сильного пинка сзади он сорвался вниз и, не успев даже вскрикнуть, разбился насмерть о рельсы.

Женщина живо пригнулась и, никем не замеченная, хорьком шмыгнула прочь с опасного места.

У Фредрика было тяжело на душе. Зайдя в киоск у кинотеатра «Фрогнер», он купил свежие газеты. Об убийстве писалось мало, и имя жертвы вовсе не называлось. Похоже было, что полиция склонна толковать случившееся как безумный поступок невменяемого лица. Дескать, серьезных улик не обнаружено, но опрос местного населения кое-что дал и следствие продолжается.

Луммедаленский канюк...

Хоть бы бедняга сумел толково объясниться, чтобы с него было снято подозрение.

Про статую ничего не писали.

Достав из кармана ключ, он отпер дверь «Кастрюльки» – крохотного эксклюзивного ресторанчика, который вместе со своим компаньоном Тубьёрном Тиндердалом учредил несколько лет назад на улице Фрогнер. Успех их предприятию обеспечила искренняя любовь к доброкачественным норвежским продуктам и традициям национальной кухни вкупе с необузданной фантазией при использовании трав и приправ. Плюс сказочные соусы Тоба и дарованный Фредрику талант в подборе вин. Его чутье на хорошие вина было известно далеко за пределами норвежской столицы.

Тяжело вздохнув, он опустился на стул у их личного столика в глубине зала, возле кухонной двери, за полками, на которых стояли бутылки и разные баночки с приправами и прочим соблазнительным содержимым.

Из-за двери доносилось тихое пение, тянуло запахом ухи. Там Анна готовила все необходимое для вечернего меню. Она ворвалась в жизнь его и Тоба, словно ураган с Лофотенских северных островов, принесший с собой все, чем изобиловали соленые воды Ледовитого океана – бурые водоросли, морских ежей, мидии и гребешки, мойву, пикшу и треску, морских улиток, криль и зубатку. Они с ходу приняли ее на работу и предоставили статус компаньона и совладельца «Кастрюльки».

В ресторанчике царила радостная атмосфера, и в последние недели Фредрик стал замечать какое-то странное щекотание в груди, когда он стоял над кастрюлями рядом с Анной. Сметливый Тоб не замедлил вызваться быть тамадой на свадьбе.

Фредрик сидел, опустив голову на ладони. В эту минуту он ощущал только скорбь и безнадежность. Халлgrim Хелльгрэн был хорошим другом. Не счесть часов, проведенных ими вместе за решением очередной увлекательной археологической загадки. Теперь гибель друга и связанные с этим обстоятельства явили загадку, грозящую полным затемнением, предохранители

в мозгу разом перегорели.

– Фредрик? – в дверях показалась Анна.

Он поднял голову, посмотрел на нее. Круглое доброе лицо Анны покрылось легким румянцем, и она неуверенно подошла к столику.

Фредрик ткнул пальцем в лежащую перед ним газету.

– Халлгрим, – сказал он. – Халлгрим Хелльгрэн.

Она взяла газету, прочла отмеченные им строки, положила газету обратно на стол и осторожно погладила Фредрика по голове. Он встал и неожиданно обнял ее, крепко прижал к себе, вдыхая запах ухи, нежный аромат духов, шафрана и миндаля.

– Мне нужно освободиться на несколько дней, – прошептал он. – Это возможно?

– Конечно, – ответили губы у его шеи. – У нас есть три ученика, они подменят тебя, только рады будут.

– Спасибо, – тихо произнес он, отступая назад. – Ты... скажи Тобу... объясни... сама знаешь...

Он говорил сбивчиво, смущенно отведя глаза.

Она улыбнулась. Улыбнулась ему. В этой улыбке содержался весь спектр чувств, овладевших ими. Хорошая улыбка, она придаст ему силы на много дней вперед. Он направился к выходу.

– Если позвонят из полиции, скажи, что я пошел на речку кормить голубей.

– Фредрик?

Он остановился на пороге.

- Только не затевай никаких глупостей.

- Глупости, дурасты, сапоги всмятку. - Он подмигнул ей, послал воздушный поцелуй и вышел.

Улица Саксегорд в Старом городе - старейшая улица Осло. Она находится примерно там, где в средние века возле устья реки Ална помещался Восточный переулок. Свое название получила, вероятно, в XIV веке, когда здесь была усадьба, устроенная отцом судьи-старейшины Агмюнда Саксессона. Современная улица начинается как раз там, где расположены развалина старейшей в Норвегии церкви - Святого Климента, под шоссевым мостом. Фредрик вышел из трамвая на остановке у Городской больницы, пересек железнодорожный мост и остановился перед воротами дома номер три на улице Саксегорд. Первый этаж старинной усадьбы занимал центр помощи престарелым Армии спасения.

Он осмотрелся. Весь последний час его не покидало неприятное ощущение, что за ним следят, хотя никаких признаков слежки не было видно. Может быть, содержимое кожаной сумки, которую он нес с собой, тяготило его, легкое чувство вины заставляло быть настороже.

Он прошмыгнул через ворота во двор. Быстро прошагал к двери в боковой стене здания. Вытащил из кармана связку ключей и отпер дверь.

В лицо ему пахнул затхлый воздух. Здесь помещался вход в один из подвалов усадьбы. Последние тридцать лет он пустовал, и, насколько Фредрику было известно, ключи были только у начальника археологической службы, у Халлгрима и у него.

Включив карманный фонарик, он спустился по ступенькам вниз, откуда начинался длинный узкий коридор с висящей под потолком паутиной. Пол тут был не совсем обычный, вымощенный истертыми за века плотно пригнанными торцами. В середине века этот пол был частью мощеной улицы; подвал появился, когда в конце прошлого века здесь построили солидное здание. Подрядчик на этом сэкономил не одну тонну бетона.

Коридор упирался в стальную дверь с задвижкой и висячим замком; рама была обита войлоком. Это Халлгрим тут потрудился, чтобы помещение за дверью

всегда было надежно заперто. Дескать, между стенами подвала находится земля, прилегавшая к церкви Святого Климента, и в ней чего только не содержится.

Фредрик отпер замок и потянул на себя тяжелую дверь. Увидел знакомый интерьер и печально улыбнулся. В центре помещения стоял массивный деревянный стол, рядом – два глубоких кресла. Освещение обеспечивали керосиновая лампа на столе и свечи в нишах. На полке стояли бокалы. На обломках церковной кладки размещалась богатая коллекция костей, черепов, а также рваная кольчуга. Следы средневековья...

Рядом с письменным столом у стены помещалась маленькая книжная полка, заполненная книгами и брошюрами по разным вопросам археологии. Здесь было все, что следовало знать о старом Осло, плюс еще кое-что.

Фредрик находился в личном миниатюрном тайном музее Халлгрима Хелльгрена. В отведенной для размышлений келье Халлгрима, где он мог не опасаться, что кто-то помешает его думам. Он, шутя, говорил, что черпает вдохновение и новые идеи из того, что кроется за стенами подвала.

Единственным, что нарушало стиль и атмосферу кельи, была тянущаяся вдоль потолка, вечно протекающая водопроводная труба. Убрать ее было нельзя, она снабжала водой жилые помещения наверху.

Поставив на пол свои сумки, Фредрик закрыл дверь. После чего зажег керосиновую лампу и несколько свечей. Скоро в келье распространилось приятное тепло.

Из пластиковых сумок он достал хлеб, масло, сыр, две бутылки марочного вина и различные фрукты. Из кожаной сумки извлек камень, послуживший орудием убийства. Положил его в центре стола.

Он собирался пробыть здесь некоторое время.

Во всяком случае столько, сколько понадобится, чтобы найти разумное объяснение – каким образом ассирийский царь Ашшурбанипал вчера между половиной одиннадцатого и четырьмя часами дня перенесся из Национальной галереи на хутор в долине Луммедален. И почему следствием этого явилось то,

что голову Халлгрима Хелльгрена раздробила статуэтка Матери-Земли.

Ни больше ни меньше.

Некоторое время он сидел неподвижно, не прикасаясь ни к еде, ни к бумагам, которые разложил на столе. Уставившись в стену, слушал монотонные удары капель воды о брусчатку. Каждые двенадцать секунд по одной капле. Недостаточно, чтобы образовалась лужа. Земля между камнями впитывала влагу.

Немногим больше двух лет назад Фредрик Дрюм торжественно поклялся себе, что впредь – ни случайно, ни против воли – даже самые заманчивые археологические загадки не заставят его ввязываться в борьбу с преступными силами. Репутация видного специалиста по эпиграфике и толкованию древних письмен приводила к тому, что он подчас оказывался в далеко не приятных ситуациях. Силы, далекие от серьезной науки, нападали с тыла и наносили болезненные удары. Теперь ему исполнилось уже тридцать семь лет, и он почитал за счастье, что не утратил способность отличать бургундское от бордо. В его намерение не входило тратить остатки жизни на то, чтобы очищать от сорняков поле, которое днем служило науке и истории человечества, а ночью становилось заповедником змей и скорпионов.

Укусы оставили свои следы.

У него есть «Кастрюлька». Есть Тоб и Анна. И увлечение древними культурами и языками, которое он в свободное время разделял с хорошими друзьями, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания.

Халлгрим Хелльгрен был хорошим другом. И привлек к себе чье-то внимание. Так ли это?

Оторвав взгляд от стены, Фредрик взялся за бутылку с вином, тщетно поискал глазами штопор и сердито ударил горлышком о камень. Несколько капель тосканского вина попали ему на брюки.

Итак, он снова там – у кромки сети, сотканной какой-то ядовитой тварью. И выбор невелик: либо он разорвет эту сеть, либо его безжалостно накроют ею. Бегство невозможно. Край паутины уже прилип к нему.

Он сделал два добрых глотка из бутылки и разломил пополам батон. После чего еще раз принялся за чтение рукописи Халлгрима «Матерь-Земля».

«Первые раскопки в Турции, выявившие следы совершенно не знакомой нам культуры, были проведены экспедицией англичанина Джеймса Меларта в 1961–1963 годах. Оказалось, что уже восемь тысяч лет назад существовали высокоразвитые общества. Затем раскопки на Балканах, в Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польше и на Украине позволили установить близкое родство с культурами Турции того же периода. Выяснилось, что развитые культуры существовали в Древней Европе задолго до культур Месопотамии, которую было принято считать колыбелью нашей цивилизации»...

«Речь шла о типичных земледельческих культурах, и характерно, что все они развились в регионах с плодородной почвой, обилием воды и превосходными пастбищами. Нередко общины располагались среди красивейших ландшафтов, но условия для обороны нигде нельзя было назвать благоприятными. Отсутствие оружия и укреплений говорит о мирном существовании различных поселений. То, что выражено в искусстве, не менее важно, чем то, что не выражено. В искусстве этих культур не видим изображений, связанных с войной или оружием. Нет в нем и героев, сцен насилия, намеков на примирение рабства. Зато есть множество символов, связанных с природой, изображений цветов и животных. Часто встречаются зачатки письменности».

Фредрик продолжал негромко читать вслух:

«Многое говорит о том, что длительный период истории человечества, с тридцатого до третьего тысячелетия до н. э., характеризовался мирным сосуществованием. Что же произошло затем? Какова была судьба культур Матери-Земли? Вероятно, все началось с того, что небольшая группа кочевников откололась от сложившихся структур и учредила общину с иерархическим и авторитарным правлением. Утвердились принципы превосходства и грубого насилия. Стремление улучшить свою жизнь за счет грабежей, поджогов, разрушений и убийств. Стали складываться отряды воинов, затем начали оформляться нации. Или, как это метко сказано у археологов Эйслера и Гимбутаса, меч заменил чашу. Изменился пол божества».

Фредрик читал быстро, задерживаясь на некоторых абзацах.

«Культуры Матери-Земли были почти равнодушны к смерти. Радость жизни, цветущей жизни, была для них главной. Однако все символы, к которым обращались эти люди, славя жизнь, постепенно были извращены и приспособлены к служению культу войны. Один из примеров – крест. Изначально он был одним символом культа Богини-Матери, обозначая рождение и рост растений, животных и людей. Это его значение перешло в египетские иероглифы, где крест означает жизнь и входит в состав таких слов, как „здоровье“ и „счастье“. Лишь в ассирийском и подчиненных власти Рима обществах, где людей сотнями тысяч распинали на шестах, крест стал символом смерти».

Читая заключительный абзац рукописи, которую автор, очевидно, собирался предложить для публикации в какой-нибудь специальный журнал, Фредрик нахмурился.

«Если признать существование миролюбивой матриархальной культуры, куда более протяженной во времени, чем известная нам история, из этого следуют весьма обширные выводы, выходящие далеко за рамки археологии. Возникают вопросы фундаментального значения – о человеческой природе, о происхождении религий, о справедливости политических идеологий. Теория о культурах Матери-Земли не оставляет камня на камне от нашей закостенелой культурно-идеологической платформы».

Фредрик размял во рту языком сыр и виноград, запил их вином. Прибавил огня в керосиновой лампе и записал на чистом листе бумаги:

Нападение на:

- 1) консервативную археологию;
- 2) геологический фундаментализм;
- 3) патриархальную культуру;
- 4) милитаристскую философию.

Поразмыслив, он объединил пункты 3 и 4. У патриархальной культуры и милитаристской философии – общее происхождение. Он не сомневался, что убийцу или убийц Халлгрима следует искать среди адептов какого-то из этих двух направлений.

Мотив убийства сокрыт не в повседневной жизни, а во взглядах Халлгрима. Он всегда считал, что если нажил каких-то врагов, то из-за своих гипотез о происхождении и сути человеческой природы, подтверждаемых аргументами из области культуры и археологии. Халлгрим не стеснялся весьма категорически излагать свои взгляды, которые встречали решительный отпор у его коллег.

Кому-то он был не мил.

Профессор Каан де Берг... Университетские круги... Почтенная международная организация «Общество сравнительной археологии» при Кембриджском университете... Все они предпочли бы зажать рот Халлгриму Хелльгрену с его взглядами.

Но убить?

Дистанция от полемических увечий до физического устранения слишком велика.

Фредрик отложил в сторону рукопись Халлгрима и сосредоточил внимание на лежащем на столе перед ним орудии убийства.

Статуэтка не была подлинным изображением Матери-Земли. Копия, но искусно выполненная. Отлитая из бетона и, судя по тяжести, с железным или свинцовым слитком внутри. Стало быть, она с самого начала предназначалась для убийства. Причем форма и символический смысл орудия делали его своего рода визитной карточкой. Почему убийца избрал именно такой вариант?

Подвешенный на веревке заурядный норвежский булыжник ничего не сказал бы следствию. Теперь же убийца словно показывал, что мотивом для преступления послужили научные занятия Халлгрима. Если мозг человека, замыслившего злодеяние, не поражен безумием, если убийца действовал не вслепую, а руководствовался изощренным планом, эта копия Матери-Земли приобретала совершенно особенный смысл.

Нередко очевидное – только видимость подлинного содержания.

Фредрик почувствовал себя виноватым перед полицией. Он скрыл от нее важнейшую улику. Полиция могла бы произвести химический анализ бетона. И что дальше?

Фредрик сердито встал, взял со стола статуэтку Матери-Земли и швырнул ее в темный угол. Этот камень только ведет в тупик.

Он погрузился в размышления, опустив голову на ладони. Время от времени отпивал немного вина из бутылки. Он был решительно настроен сидеть в этой келье, в полной изоляции, пока не докопается до сути трагедии и загадочных явлений в Луммедалене. Хотя бы на это ушел не один день.

Несколько лет назад Фредрик обзавелся замечательной вещицей – кристаллом в виде пятиконечной звезды, точной копией кристалла, найденного в одном из майяских храмов на полуострове Юкатан в Мексике. Звезда была величиной с пятак, толщиной около сантиметра. Он всегда носил ее в кармане как счастливый талисман. Фредрик Дрюм не был склонен к суеверию, однако этот кристалл обладал поразительным свойством. Преломляющийся в лучах звезды свет создавал самые неожиданные комбинации; можно было подумать, что кристалл желает что-то сообщить владельцу. Фредрик твердо верил, что именно этой звезде он был обязан своим спасением в труднейших ситуациях, хотя как она действует, объяснить не мог. Между ним и кристаллом шел какой-то таинственный диалог. Одолеваемый любопытством, Фредрик послал звезду на исследование в одну лабораторию в Англии, попросив специалистов выяснить, не связан ли необычный спектр ее лучей с особенностями атомной решетки.

Через некоторое время ему сообщили, что кристалл оказался чрезвычайно интересным, и лаборатория хотела бы продолжить тщательное исследование. Видимо, это исследование затянулось, потому что ему до сих пор не вернули звезду.

Как бы она пригодилась Фредрику сейчас... Он поднес бы ее к глазу, чтобы истолковать излучаемые сигналы. Воспринимать импульсы, направляющие мысль в непривычное русло. Зарядить свою фантазию космическим знанием.

Нелепо? Однако факт оставался фактом: с помощью кристаллической звезды он в клубе знатоков вина «Ликин» вслепую верно определил год и место производства восьми вин из восьми. Везение – заявили конкуренты, среди которых был Фредди Нильсен из «Д'Артаньяна».

Фредрик уставился на темную каменную стену. Предел его проникновения в начала долгой истории Осло. Его окружало мрачное средневековье, за каждой из трех стен была кладбищенская земля. Ему же надо было проникнуть в глубокую древность.

Во времена Ашшурбанипала.

Каким образом громадная статуя среди бела дня покинула Национальную галерею и материализовалась в маленькой гостиной Халлгрима в Луммедалене?

Почему именно Ашшурбанипал?

Снова след, отчетливее некуда, во всяком случае, если говорить о размерах и очертаниях. Присутствие Ашшурбанипала было призвано сделать убийцу невидимым. И наоборот: не стой там в гостиной Ашшурбанипал, оказались бы видимыми мотивы и личность убийцы!

Ну, конечно! На радостях, что его осенила внезапная эта догадка, Фредрик громко чихнул несколько раз подряд.

На седьмом чихе керосиновая лампа вдруг погасла, в келью вторгся какой-то посторонний шум, и Фредрик удивленно приподнялся в кресле.

Он успел разглядеть чью-то руку перед тем, как тяжелая стальная дверь с грохотом захлопнулась и звякнул запираемый висячий замок. В наступившей затем тишине явственно были слышны удаляющиеся по коридору шаги.

Когда они стихли, единственным звуком оставался стук капель из протекающего водопровода. По одной капле каждые двенадцать секунд.

Присутствие невозможного делает невидимым возможное Дрюм здороваётся за руку с епископом Асгаутом Викенским, и столик в «Кастрюльке» заказан мертвым англичанином

Фредрик Дрюм надолго застыл в напряженной позе, тупо созерцая запертую дверь. Ключ к подвесному замку лежал на столе перед ним.

Но замок висел на двери с другой стороны.

Он был заперт.

Вот именно. Заперт в подвальном помещении, куда годами никто не наведывался. Он заставил себя спокойно сесть, проверил лампу, убедился, что керосин весь вышел. В нишах стояли наполовину сгоревшие четыре свечи. Еще три он принес с собой.

Фредрик оставил гореть только одну свечу.

После чего тщательно исследовал запертую дверь. Результат был неутешительный. Массивная дверь не поддавалась ни на один миллиметр, сколько он ни давил на нее всем телом. Стальная плита в обитой войлоком стальной раме. Петли надеты на болты, вбитые в каменную стену. Эту дверь и тараном не прошибешь.

«Спасибо. Огромное спасибо». – Он не знал, кого благодарит, но не смог удержаться.

После чего заорал, что было сил, кричал так, что челюсти трещали и голосовые связки заставили гипофиз вибрировать так, что череп едва не лопнул, и с потолка посыпалась известка.

Орал не от страха – просто проверял, как поведет себя звук здесь, в подвале дома номер три на улице Саксегорд в Старом городе.

Проверка его не обрадовала. Каменные стены поглощали звук, как мешки с песком поглощают пулю.

Фредрик проверил свои запасы. Почти половина батона, немного сыра, полкило фруктов, полторы бутылки вина. Все. Нет: по одной капле воды каждые двенадцать секунд. Сколько может он протянуть?

Больше сорока суток.

А затем сходство между ним и стильно размещенными Халлгримом в разных концах кельи останками будет с каждым днем увеличиваться.

Ситуация предельно ясная. Грубая сила тут не поможет. Или?

Он повернул голову, посмотрел на трубу под потолком. Труба! Если пробить в ней дыру, вода перестанет поступать в жилые помещения наверху, начнутся поиски причины, и рано или поздно замок на двери снаружи взломают.

Насколько рискованна такая затея? Фредерик еще раз проверил дверную раму и убедился, что осуществление его замысла равно самоубийству. Дверь плотно прилегала к войлоку, помещение было закрыто почти герметически, вода наполнит его доверху задолго до того, как жильцы дома примутся впустую вертеть ручки кранов. Он утонет, словно крыса.

Фредрик постучал пальцами по столу, набирая номер на воображаемом телефонном аппарате.

– Алло, это директор управления по охране памятников культуры? – Говорит Фредрик Дрюм. – Я сижу сам знаешь где.

– Северные Помпеи.

– Ну да, заперт.

– Поделом мне?

– Найти тайный ход, говоришь, который соединял монастырь на Большом острове со Старым городом? Спасибо. Сейчас же приступаю к поискам.

Неукротимый оптимизм и напористый характер вооружили Фредрика свойствами, как у инструмента высшего класса. Он мог, соединив кончики пальцев, вызвать веселый поток фотонов, создать внутреннее поле игривых элементарных частиц, эффективно вытесняющих все признаки душевного тромбоза и психологической тундры. Глядя в черные бездны, с кьеркегорской иронией извлекать на поверхность дьяволов, наносить на них розовый макияж и облекать в клоунский костюм. Мог преспокойно подойти к зловонной падали, чтобы установить, что в ходе разложения выделяются конкретные пахучие вещества. Короче говоря: он был наделен способностью превращать негатив в позитив. Плюс на минус непременно давал плюс.

А потому он и теперь не стал предаваться безнадежности. Перед тем как показалась рука и захлопнулась дверь, мысли его текли по весьма плодотворному руслу. И в ближайшие часы Фредрик не намеревался прерывать их течение, напротив, желал развить их, соображаясь с ситуацией, в которой очутился.

Итак, невозможное присутствие Ашшурбанипала в гостиной Халлгрима сделало невидимым убийцу. Невозможное сделало невидимым возможное.

Кто-то следовал за ним в Старый город. Ощущение слезки его не обмануло. Кто-то прокрался в подвал, стоял, подглядывая, за дверью и потом захлопнул ее.

Вряд ли рука принадлежала какому-нибудь киношному гангстеру. Возможно, она принадлежала тому, кто желал остаться невидимкой. И все-таки он не видел логики в том, что тот или те, кто убил Халлгрима, посчитали нужным и его убрать. Фредрик не мог припомнить, чтобы за последние год-два он сказал или написал что-нибудь такое, что могло бы настроить против него теологических фундаменталистов или милитаристски мыслящих философов, или консервативных археологов.

Первая свеча почти догорела. Он зажег новую и приступил к систематическому исследованию стен. Бетон и грубые каменные блоки. Никакого намека на тайный ход. Он заперт так же надежно, как золото в Форт-Ноксе, где хранился золотой запас Соединенных Штатов.

Фредрик настороженно поглядел на хлеб, сыр и вино. Кажется, он уже проголодался и хочет пить? Кажется, у него сосет под ложечкой и во рту совсем сухо? Ерунда, он только что ел и пил.

Он рассеянно полистал несколько книг, которые взял на полке Халлгрима. «Канцлерство и Мариинская церковь в Осло в 1314–1350». «Штудиен цур Гешихте дес Нордеуроупеишен Штадтсвезен фор 1350». «Акта Региа социетатус скиентариум ет литтерарум Готенбургенсис». Красивые названия. Листая, он попытался тихонько насвистывать какую-то мелодию, но звуки прилипали к губам.

Когда среди ночи догорела четвертая свеча, Фредрик Дрюм вскарабкался на стол и принялся выстукивать бедренной костью SOS по водопроводной трубе. Около часа продолжал от отбивать три коротких, три длинных, три коротких сигнала, рассчитывая на то, что эти звуки должно быть слышно по всему дому. Если трубы нигде не соединяются пластмассовыми переходниками. Что вполне вероятно. Например, между подвалом и первым этажом.

Не очень-то весело будет в подвале, когда догорит последняя свеча. Холодно, сыро. Надо поберечь свечи.

Несколько часов он просидел в полной темноте.

Когда часы показывали шесть утра – стало быть, он провел в подвале двенадцать часов, – Фредрик съел кусок хлеба и запил остатками вина из первой бутылки. Зажег свечу и совершил пятнадцатиминутную прогулку вдоль стен, пытаясь изгнать дремоту. Позевывая, смотрел на капли, которые продолжали в том же темпе падать на пол из трубы. Пришел к выводу, что место протечки находится где-то выше подвала.

Размышления в темноте не были особенно плодотворными. Ему никак не удавалось сосредоточиться на убийстве Халлгрима и загадке Ашшурбанипала, в голове настойчиво вертелась другая мысль: надо как-то выбраться отсюда!

Меньше тридцати часов назад он сидел в хлеву в Луммедалене, желая быть ничего не ощущающим ничем. Безмолвие и мрак. То было намеренно выбранное место и состояние. Здесь в подвале – тоже мрак и тишина. Но эта тишина гнетет его, парализует все органы чувств. И мрак – сплошной сгусток не поддающихся

толкованию письмен.

Он подобрал еще одну бедренную кость и принялся стучать ею по двери. Уж этот звук должно быть слышно на дворе?

Центр помощи престарелым. Здесь живут почти одни восьмидесятилетние старики. Наверное, у них со слухом не ахти как. Тем не менее он продолжал стучать, барабанил в дверь, пока средневековая кость не раскрошилась. Черт с ней, с археологией, он будет делать все, чтобы только привлечь к себе внимание.

В девять часов он, сидя в кресле, бездумно созерцал пламя свечи. Пусть горит. С ней уютнее, с ней теплее, и мысли не так разбегаются.

– Проснись, Ашшурбанипал, ты жив! Ты был последним из великих царей-воителей и вместе с тем первым воителем, сделавшим войну неотъемлемой частью мирового порядка. Ты был убийцей львов, империалистом, колоссом, который сокрушал все на своем пути. Разве можешь ты стоять на месте, Ашшурбанипал, пусть даже ты сделан из четырех тонн гранита, тебе не дано изведать покой, слишком велики твои злодеяния; души убитых тобой поднимают тебя вверх, и ты паришь, словно перышко! Они толкают тебя туда и сюда – слышишь смех? Играют тобой, дразнят тебя, потому что ты был женщиной, женщиной, Ашшурбанипал, эллины называли тебя Сарданапалом, говорили, что ты был слабаком, жил взаперти в своем дворце, точно женщина. Проводил там время в обществе других женщин, носил женские одеяния и по обычаю распутных женщин так умащал лицо и тело румянами и другой косметикой, что выглядел женственнее самой страстной женщины. У тебя даже голос был женский. Стоит ли удивляться, что ты паришь по воздуху? Пусть даже ты в мужской похвальбе писал под своими изображениями...

– ...смотри на пламя, Фредрик!..

– ...что в расцвете сил, босиком в пустыне, схватил за уши разъяренного льва и с помощью Иштар и Ашшера пронзил его тело копьем. Кого еще ты пронзил потом, кого разрубил двойным топором? Ты хвастался тем, что порезал, как овец, всех жителей побежденного города, что твои полководцы сдирали кожу с поверженных врагов, что ты схватил только что появившегося из материнского чрева младенца и, привязав пуповину к ошейнику цепной собаки, погнал ее по

улице...

– ...это правда, Фредрик, пусть свеча горит, думай!..

– ...а в Сузах, Ашшурбанипал, ты надругался также над мертвыми, разгромив эламитов, велел бросить в реку саркофаги умерших царей, теперь они вернулись за тобой, они мстят! Прислушайся, все женщины смеются над тобой. Ты, который сам был женщиной, но никогда не отваживался любить, неужели ты верил, что способен покорить весь мир? Теперь ты легче перышка, и мы перемещаем тебя, нас много, тех, что не желают войны, не согласны с тем, чтобы рыканье льва прерывалось острым копьем, бешеной ненавистью, животным неведомо ненависть, Ашшурбанипал, а человек – одно из животных, чтобы поднять то, что неподъемно, нужно помыслить о том, о чем еще никто не мыслил...

Когда фитиль утонул в расплывшемся стеарине и погас, Фредрик поднялся с кресла так резко, что уронил его и чуть не опрокинул стол.

«Ну да! Ну конечно. Чтобы поднять неподъемное, нужно помыслить о том, о чем еще никто не мыслил», – прошипел он во мраке.

Затем достал из сумки новую свечу и зажег. После чего опустился на колени у одной стены, сердито отодвинул обломок церкви Святого Климента и принялся ковырять брусчатку. Отделив один брусок, нащупал под ним мягкую землю.

«Так какую же мысль мы выберем, – бормотал он. – Таковую, которую никто не мог допустить в средние века, или средневековую мысль, немыслимую в наши дни? Все зависит от того, в какой действительности я пребываю сейчас».

Он пребывал в средневековье.

Стало быть, можно подумать о чем-нибудь из области атомной физики. Почему бы нет? В такой среде, в такой обстановке подобные мысли могут произвести магическое, страшное впечатление. И вызвать неожиданные последствия. Однако ему нужна совершенно девственная мысль, неведомая прежде ни одному живому существу.

Фредрик продолжал разбирать брусчатку, вытащил уже четыре камня. На полу выросла целая куча земли.

Итак: атомная физика. Квантовая механика?

Он усиленно размышлял, работая руками. Антиматерия. Соударение частиц. Суперструны Вселенной. Современным атомным физикам известны многие вещи, которые нельзя выразить обыденными словами. А есть ли что-нибудь, чего они не знают? И этого тоже хватает. А можно ли это выразить словами? Можно ли вообще помыслить?

Взять, например, Гейзенбергово соотношение неопределенностей. Для всякой величины в квантовой механике существует дополнительная величина, которая для нас, непосвященных, принимается как данная.

Кажется, он к чему-то приблизился... Характерно то, что при проведении одинаковых опытов над одинаковыми системами получаются разные значения упомянутых величин, результат эксперимента будет неопределенным, вероятностным. Одна истина ставит под вопрос другую. К числу дополнительных величин можно отнести положение и массу частицы, ее энергию и движение. Строго говоря, желая определить координаты объекта, нельзя одинаково точно измерить характеризующие его величины.

Между тем квантовая механика – несомненно, единственный действующий научный инструмент подлинного познания природы.

Он продолжал копать, как одержимый.

Статуя Ашшурбанипала весит четыре тонны. И стоит она в гостиной Халлгрима Хельгрена. Вес и местоположение. Одно начисто отрицает другое. Во всяком случае, представляется несовместимым. Либо четыре тонны – не четыре тонны, либо Ашшурбанипал не находился где бы то ни было – будь то в Национальной галерее или на иракском плоскогорье, или в Луммедалене.

Принцип неопределенности Гейзенберга. Но это никак не новая мысль. Она уже известна.

Он сделал перерыв, вытер пот со лба. Поглядел на свечу – сгорела наполовину. В запасе у него оставалась еще одна. Ее следует поберечь. Он может копать в темноте.

Фредрик подполз на четвереньках к столу. Сунул в рот последний кусочек сыра и задул свечу. Снова принялся копать.

Земля был рыхлая, мягкая. Но руки все же он поранил. А потому сломал книжную полку и стал орудовать обломками, из них получились совсем неплохие лопатки.

Думать, думать, думать! Обрести совершенно новую мысль. Тогда все стронется, он заставит средневековье содрогнуться так, что сразу откроется выход.

Вся материя состоит из элементарных частиц. А элементарные частицы подчинены абсурдным законам квантовой механики. Но в макромире явления протекают гораздо медленнее, чем в микромире, где они почти не поддаются наблюдению. Тем не менее тут и там действуют одни и те же законы.

А как насчет поля Хиггса? Он перестал копать и поднес руку ко лбу. Поле Хиггса, таинственное энергетическое поле, которое, по мнению физиков, цементирует всю материю, которое делает Вселенную подлинно всем миром. Без поля Хиггса материя распалась бы, обратилась в ничто. Поле Хиггса – мудреная штука, не очень поддающаяся осмыслению. Мало того: в этом поле будто бы существуют некие частицы, получившие то же наименование. Никто еще не наблюдал их. Но они есть, без них не было бы самого поля Хиггса.

Частица Хиггса – Бог.

Создатель, Творец всего сущего. Ни больше ни меньше.

Что ж, и эта мысль тоже не нова. Но если сочетать существование частицы Хиггса с принципом неопределенности Гейзенберга – что тогда?

Фредрик продолжал механически копать, тяжело дыша. Мысли текли легко, без помех. Того и гляди родится нечто новое, еще доселе не мыслимое.

Он вынул уже восемнадцать брусков из мостовой, углубился в землю на полметра. Однако все еще не добрался до основания фундамента. Его нисколько не смущало, что он, по сути, раскапывает старые могилы.

Итак, положение и массу частицы одновременно определить нельзя. Частица Хиггса делает возможным существование поля Хиггса, которое в свою очередь дает возможным существование Вселенной. Невидимый Бог. Стань он видимым – у него не будет определенного положения. Займи он определенное положение, станет невидимым. Это непреодолимое внутреннее противоречие чревато катастрофой. Не только для богословия. Для всего бытия.

Тот, кто откроет частицу Хиггса, разрушит Вселенную.

Эта мысль вломилась торпедой под один из огромных каменных блоков, слагающих фундамент старинного дома. И с глухим стуком он рухнул в выкопанную Фредриком яму.

Фредрик лежал неподвижно и стонал от боли – тяжеленный блок придавил ему руку. Медленно высвободив ее, он с облегчением убедился, что кости целы.

После чего зажег свечу, чтобы оценить обстановку. Все выглядело не так уж плохо.

Он пробил отверстие в фундаменте. Теперь от дневного света и свежего воздуха его отделяло четыре метра земли. Он выжал из мозга мысль, которая заставила средневековые содрогнуться от страха.

Тот, кто откроет частицу Хиггса, разрушит Вселенную.

Сидя, он смотрел, моргая, на черную дыру в стене. Кажется, из земли торчит что-то бурое, острое? Ветка?

Да нет, какая же это ветка? Ну конечно: в воздухе повисла чья-то рука, костлявая кисть, все косточки на месте. Она протянулась к Фредрику, будто для рукопожатия.

Фредрик встал, поклонился. Подошел в руке, крепко пожал ее и сказал:

– Добрый вечер, епископ. Бьюсь об заклад – сам епископ удостоил нас своим посещением. Как тебя звали, ну-ка? Вспомнил – епископ Асгаут Викенский. Добро пожаловать, прошу, как насчет глоточка вина? Вон у меня на этот случай припасена целая бутылка.

Он отбил горлышко у последней бутылки и учтиво чокнулся с епископом. Нисколько не сомневаясь, что в самом деле наткнулся на останки самого первого епископа города в устье реки Ална. В том, что он сейчас обдумывал, было достаточно теологии, и он просто не мог себе представить иного гостя.

Он посидел, беседуя с рукой, торчащей из дыры в стене. Допрашивал ее о том, как на рубеже второго тысячелетия в этом городе появилась церковь Святого Климента, верно ли, что первые христиане пришли сюда из Дании вместе с дружиной Харалда Синезубого, или же город и церковь заложил хитрец Харалд Суровый.

Фредрик получил исчерпывающий ответ на большинство вопросов.

Остатки хлеба были съедены, вино выпито. Он сидел в темноте, зябко поживаясь. Последняя свеча догорела, его одолевала усталость, хотелось свернуться в клубок где-нибудь в углу и уснуть.

На часах было девять, в городе – вечер, он уже больше суток провел в заточении. Фредрик медленно опустил голову на столешницу, ощутил лбом тепло мягкого стеарина от последней свечи.

– Жареные телячьи почки в густом коричневом соусе с нежнейшим картофельным пюре. Это блюдо попадет у нас в самое яблочко, Анна.

Тоб протер запотевшие круглые очки и радостно улыбнулся Анне через разделочный стол.

В «Кастрюльке» был час пик, все столики, кроме одного, заняты, и ученики сновали взад и вперед между кухней и залом, обслуживая посетителей по всем правилам искусства. А правила в сем заведении были самые строгие.

– Ты ничего не слышал от него? – Анна показала знаком, что малиновый торт готов.

– Ни звука. Но ты не волнуйся за Фредрика. Он обладает поразительным свойством отращивать крылья, когда попадает в оборот. Небось отправился в горы с ружьем, стрелять куропаток.

– Он был близко знаком с Халлгримом Хелльгреном? – Она что-то перебирала рукой в кармашке фартука.

– Они были хорошие друзья. Общие интересы в области загадок античности. – Тоб попробовал один соус и одобрительно кивнул.

– Погляди. – Она положила на стол газетную вырезку с фотографией, на которой Халлгрим был снят вместе со статуей Ашшурбанипала. – Видел, что они едят?

В тексте намекалось, что убитый был причастен к похищению классической скульптуры из Национальной галереи. Дескать, скульптура обнаружена в доме Халлгрима в Луммедалене.

– Я ведь видела эту статую – огромная. Не понимаю, зачем Халлгриму понадобилось ее красть.

Тоб нахмурился, изучая вырезку.

– Странно, – произнес он. – Тем вероятнее, что Фредрик нуждается в передышке. Если я в нем не ошибся, Анна, то сейчас он где-то сидит или ходит и размышляет так, что искрит в мозгу. И выдаст такое решение, что опрокинет вверх тормашками общепринятую логику.

Анна постояла, размешивая в миске эстрагоновый соус. Внезапно отложила ложку, вышла из кухни и вернулась с книгой заказов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.me/nyugordshaug_gert/perst-kassandry

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)